

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ GENDER HISTORY

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 149—168.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 149—168.

Научная статья

УДК 629(091)(47+57)“1960/1970”

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.11

«МОРЕ ПРИНАДЛЕЖИТ МУЖЧИНАМ?»: ЖЕНЩИНЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В 1960—1970-х гг.

Ксения Сергеевна Еременко, Елена Александровна Поливанчук

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия, eremenko.ks@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена определению роли женщины в гендерном укладе советского торгового флота и реконструкции гендерных стереотипов о женщинах-морячках в рамках и за рамками профессионального сообщества в 1960—1970-х гг. Для решения этих задач использованы подходы микроистории и устной истории. Основу источниковой базы исследования составили 19 полуструктурированных интервью с ветеранами Дальневосточного морского пароходства, созданных в период с 24 июня 2019 г. по 20 января 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Морской Владивосток: повседневные практики и профессиональная культура моряков торгового флота позднесоветского периода» и дополненных широким кругом опубликованных источников. Авторы характеризуют должности, которые наиболее часто занимали женщины на судах торгового флота, и связанные с ними обязанности, анализируют мотивы выбора профессии и выделяют сценарии формирования стереотипов о советских морячках на фоне трансформации гендерного порядка советского общества в послевоенные десятилетия.

Ключевые слова: гендерная история, микроистория, устная история, торговый флот, советское общество, Дальневосточное морское пароходство, морячки

Для цитирования: *Еременко К. С., Поливанчук Е. А. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг. // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 149—168.*

Original article

**“THE SEA BELONGS TO MEN?”:
WOMEN IN THE SOVIET MERCHANT MARINE
IN THE 1960s AND 1970s**

Kseniia S. Eremenko, Elena A. Polivanchuk

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, eremenko.ks@dvfu.ru

Abstract. The article is aimed at identifying the role of women in the gender structure of the Soviet merchant marine and reconstructing gender stereotypes about women seafarers within and outside the professional community in the 1960s and 1970s. To reach the goals the authors employ the approaches of microhistory and oral history. The main primary source for the research is the series of 19 interviews with the veterans of the Far Eastern Shipping Company collected from June 24, 2019 to January 20, 2020 as a part of the research project “Marine Vladivostok: Daily Practices and Professional Culture of Merchant Marine Seamen of the Late Soviet Period”. The interviews were supplemented by a wide range of published sources such as statistical data, regulations, press, memoirs, fiction, and films. The authors characterize the range of positions occupied by women on merchant marine vessels most often and the responsibilities associated with them as well as analyze the motives for choosing a seafaring profession. Special attention is paid to identifying scenarios for the formation of stereotypes about Soviet women seafarers placed against the wider background of the gender order of post-war Soviet society and its transformations.

Key words: gender history, microhistory, oral history, merchant marine, Soviet society, Far Eastern Shipping Company, women seafarers

For citation: Eremenko, K. S., Polivanchuk, E. A. (2021) “More prinallezhit muzhchinam?”: zhenshchiny v professional’nom soobshchestve sovetskogo torgovogo flota v 1960—1970-kh gg. [“The sea belongs to men?”: women in the Soviet merchant marine in the 1960s and 1970s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 149—168.

Введение

Широкое поле проблем гендерных отношений в советском обществе представляет интерес как для историков, так и для социологов, причем последние чаще обращаются в рамках гендерного подхода именно к макроисторической динамике, реконструируя этапы формирования гендерного порядка в СССР [Здравомыслова, Темкина, 2003] или советские гендерные контракты [Темкина, Роткирх, 2002]. На фоне большого количества отечественных и зарубежных работ по истории гендерных отношений в советский период в сфере брака, семьи, быта, общественной жизни и политики гендерные аспекты труда и занятости в СССР привлекают гораздо меньше внимания. Имеющиеся же работы посвящены преимущественно вопросам женского труда в эпоху сталинской модернизации (конец 1920-х — 1930-е гг.) [Goldman, 2002; Хасбулатова, 2004; Морозова, 2005; Ульянова, 2013; Пис, 2018] и в годы Великой Отечественной войны, в последнем случае проблема рассматривается чаще всего в региональном аспекте с акцентом на выявление ее количественных характеристик [Conze, 2001; Ежеля,

2012; Романов, 2016]. Однако проблематика роли женщин в сфере труда в первые послевоенные десятилетия и позднесоветское время редко становится предметом специального исследования [Filtzer, 2004; Вавулинская, 2016; Гонина и др., 2019] и находит лишь фрагментарное отражение в работах, посвященных советской повседневности [Лебина, 2015: 223—260].

При этом если о роли женщин в советской промышленности, сельском хозяйстве и образовании в 1960—1970-х гг. хотя бы упоминается в достаточно большом количестве исторических работ, то труд женщин в морском торговом флоте СССР до сих пор полностью игнорировался отечественной историографией как в части изучения количественных параметров вопроса, так и в части анализа роли женщин в гендерном укладе преимущественно мужского по своему составу морского сообщества, циркулирующих в профессиональной среде гендерных стереотипов, восприятия морячек советским обществом и т. д. Описанная историографическая ситуация актуализирует потенциал микроисторических сюжетов о моряках и морячках советского торгового флота для изучения гендерных ролей и стереотипов в трудовой сфере позднесоветского периода.

В данной работе мы попытаемся определить роль женщины в гендерном укладе советского торгового флота и реконструировать вариации гендерных стереотипов о женщинах-морячках в рамках и за рамками профессионального сообщества в позднесоветский период (1960—1970-е гг.), используя для решения этих задач подходы микроистории и устной истории. В центре нашего внимания будет находиться Дальневосточное морское пароходство (ДВМП), крупнейшее судоходное предприятие региона и одно из крупнейших в СССР. Указанный период — время колоссального количественного роста и качественного развития советского торгового флота в целом и ДВМП в частности. Именно в эти десятилетия морской транспорт превратился в одну из самых эффективных отраслей народного хозяйства СССР. Пополнение морского транспорта новыми судами в 1960-х гг. шло небывалыми темпами: почти каждую неделю вступали в строй два-три новых судна [Под флагом России, 1995: 360]. Значительно расширилась география районов плавания советских судов, выросло количество учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров для морской отрасли. С начала 1960-х гг. ДВМП, как и весь торговый флот страны, переживало период небывалого подъема: регулярное поступление новых судов, заметный количественный рост плавсостава, ежегодное увеличение грузооборота и расширение линейки специализированных судов. Все это обеспечило ДВМП роль одного из ключевых предприятий региона, а число его работников к 1980 г. насчитывало около 60 тыс. человек [Дальневосточное морское пароходство... , 1980: 17].

Источниковая база работы включает как опубликованные, так и неопубликованные источники, среди которых особое место принадлежит материалам устной истории. Представляется, что любая попытка реконструкции гендерных ролей и стереотипов советского общества невозможна без привлечения такого рода источников, поскольку они, с одной стороны, помогают восстанавливать «сферы опыта, которые иначе были бы утрачены» [Келли, 2004: 112], а с другой — позволяют сделать видимым плюрализм этого опыта, ведь, как полагает Н. Л. Пушкарева, неофициальность памяти и возможная непризнанность

оценок — это именно то, что «роднит устную историю и историю, написанную с применением методов гендерной экспертизы фактов и явлений» [Пушкарева, 2012b: 172]. В работе были использованы 19 полуструктурированных интервью с ветеранами Дальневосточного морского пароходства¹ в возрасте от 91 до 63 лет, созданных в г. Владивостоке и г. Уссурийске (Приморский край) в период с 24 июня 2019 г. по 20 января 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Морской Владивосток: повседневные практики и профессиональная культура моряков торгового флота позднесоветского периода». Опросник для проведения интервью состоял из 60 пунктов и охватывал широкий круг тем, одной из которых была тема роли женщин в гендерном укладе торгового флота. Следует отметить, что гендерная проблематика не являлась для данного проекта главной и единственной. Помимо нее, в рамках проекта исследовались специфика корпоративной культуры, внутренней иерархии и границ профессионального сообщества, распорядок дня и опыт переживания чрезвычайных ситуаций, потребительские возможности и предпочтения советских моряков, а также особенности поведения за рубежом и впечатления от инокультурных реалий.

Круг респондентов был определен исходя из необходимого для реализации целей проекта соотношения представителей различных категорий: 12 человек из командного состава и 7 — из рядового; 15 мужчин и 4 женщины. Доля респондентов женского пола в общем числе опрошенных (примерно 20 %), на наш взгляд, адекватно репрезентирует реальное присутствие женщин в профессиональном сообществе морского торгового флота советского периода. Выбор респондентов диктовался также стремлением максимально представить разнообразие должностей судового экипажа.

Для более точной реконструкции макроисторического контекста изучаемых в данной работе проблем материалы устной истории были дополнены широким спектром опубликованных источников, среди которых нормативные акты, статистические материалы, материалы периодической печати, источники личного происхождения и кинофильмы.

Женщины в торговом флоте: должности и обязанности

Годы Великой Отечественной войны, несомненно, выделяются как особый этап в процессе формирования гендерного порядка советского общества. Массовая трудовая мобилизация женщин пришлась на канун войны и значительно возросла к ее окончанию. Если в 1929 г. доля женщин в общей численности рабочих и служащих народного хозяйства СССР составляла 27 %, то к 1940 г. этот показатель достиг 38 %, а к 1945-му — 55 % [Женщины и дети... , 1963: 104]. Война также катализировала массовое вовлечение женщин в традиционно «мужские» профессии: заменив ушедших на фронт мужчин, они работали машинистами и шахтерами, лесорубами и комбайнерами, слесарями и металлургами.

¹ В качестве потенциальных респондентов нас интересовали люди, работавшие в ДВМП в течение длительного периода, чей трудовой путь начался или достиг своего пика в 1960-х и 1970-х гг. Согласно нашему предположению, долгая жизнь этих людей в профессии должна была послужить залогом высокой информативности проведенных с ними интервью. Чтобы получить статус ветерана ДВМП, для мужчин необходимо иметь 25 лет трудового стажа в организации, для женщин — 20 лет.

В свете описанных тенденций логично было бы предположить, что именно в этот период женщины начинают осваивать и морские профессии, в том числе в торговом флоте. Однако вопрос о времени первого появления женщин-морячек в советском торговом флоте остается открытым. Капитан П. П. Куянцев в своем художественном рассказе «Королева бульвара» упоминает, что в 1930 г. женщин во флоте не было: «В то время на судах женщины еще не работали, и общение с ними было возможно только на земле, а в рейсах мы подолгу их не видели» [Куянцев, 1998]. Если мы обратимся к биографии самой известной женщины в морской профессии Анны Ивановны Щетининой, то обнаружим, что работать в морском флоте она начала в 1929 г. после окончания судоводительского отделения Владивостокского техникума. Тем не менее женщины во флоте в то время еще были редкостью, так что утверждение П. П. Куянцева об их полном отсутствии любопытно в том смысле, что оно, вероятно, отражает распространенное в обществе представление о положении дел в довоенные годы, и особенно по сравнению с военным временем.

Если судить по воспоминаниям наших респондентов, вовлечение женщин в сферу морских профессий становится заметным с началом Второй мировой войны. Один из них упоминал, что в детском возрасте встречал женщин, работавших на судах и выполнявших «женскую» работу, но «врезался» в его память, вероятно, контрастирующий на этом фоне образ женщин-кочегаров, труд которых респондент описывает эмоционально, подчеркивая их маскулинные черты:

В суровые дни или, во время войны, потому что не хватало мужиков. По этим соображениям. Так еще куда или! Ведь я встречал, когда меня брали дядьки на пароходы, друзья отца, я встречал еще тогда, женщины были повара там, уборщицы, дневальные — всяких разных мастей, женскую работу выполняли по чистоте, наведению порядка, приготовлению пищи. А были кочегары-женщины. Они лопату могли держать, забрасывать. <...> Конечно, там мощные женщины были, не слабые, а такие крепкие, мужеподобные (МВ-2019-01-К)².

Другой респондент вспоминал, что во время войны ему довелось работать с женщиной-радиострой (МВ-2019-02-К). В военные годы женщины занимали должность штурмана. Помимо уже упомянутой А. И. Щетининой, в их числе были В. Я. Орликова (Северное морское пароходство), Н. Н. Кисса (Азовское морское пароходство), выпускницы Батумского мореходного училища Ю. А. Пайлодзе, Н. Г. Каландадзе (ДВМП), Ш. Г. Туманишвили, В. Гваришвили (Каспийское пароходство) и, вероятно, многие другие.

Таким образом, несмотря на то что вопрос о первом появлении женщин в экипажах судов советского торгового флота требует отдельного изучения, мы можем утверждать: именно Великая Отечественная война стала катализатором вовлечения женщин в морские профессии. Однако в последовавшие за окончанием войны десятилетия характер занятости женщин в торговом

---

² Здесь и далее для соблюдения анонимности респондентов при ссылке на интервью используется код вида «МВ-2019-00-Р/К», где МВ — аббревиатура проекта «Морской Владивосток», 2019 — год инициации проекта, 00 — порядковый номер интервью в реестре проекта, Р или К — обозначение принадлежности респондента к рядовому (Р) или командному (К) составу.

флоте трансформировался под влиянием происходивших в советском обществе изменений.

Период середины 1950-х — конца 1980-х гг. в исследовательской литературе характеризуется как кризис этакратического гендерного порядка советского общества [Пушкарева, 2012а]. Государство все так же сохраняло главенство в регулировании гендерных отношений, однако «оттепель» расширила пространство частной жизни и принесла некоторую либерализацию в гендерную политику. В своей монографии Н. Б. Лебина отмечает, что возврат к совместному обучению детей разных полов (1954 г.) и легализация аборта (1955 г.) стали важными переменами в советском обществе, которые можно сравнить с сексуальной революцией, проходившей в то время на Западе [Лебина, 2015: 233—234]. В контексте демографического спада осуществляется постепенное переосмысление совмещения женщиной двух ролей — матери и работницы: на первый план в данный период выходят именно семейно-бытовые обязанности женщины. В общественном дискурсе артикулируется необходимость возврата женщины в семью и преодоления ее маскулинизации [Пушкарева, 2012а].

В послевоенные десятилетия, согласно статистическим данным, существенно снизилось участие женщин в сельском хозяйстве (на 18 % в 1961 г. по сравнению с 1945 г.) и сфере транспорта (на 15 %). К 1961 г. численное преобладание женщин наблюдалось в таких отраслях народного хозяйства, как просвещение и наука (62 %), связь (64 %), торговля и общественное питание (70 %), здравоохранение (86 %) [Женщины и дети... , 1963: 104]. Профессии в торговле и общественном питании, в сфере коммунального, хозяйственного и бытового обслуживания в общественном дискурсе начинают квалифицироваться как «женские». Схожие тенденции мы наблюдаем и в отношении занятости женщин в торговом флоте в 1950—1960-х гг. С одной стороны, происходит постепенный уход женщин с занимаемых ими во время войны «мужских» должностей, связанных с эксплуатацией судна (штурманы, радисты, матросы, кочегары и др.). Вспоминая о послевоенном периоде, один из наших респондентов констатировал:

Уже таких категорий, как кочегары, как матросы, женщин не стало. <...> Женщин-механиков тоже не стало, это была у нас одна когда-то или две... На маленьких катерах были. А потом с развитием флота, где-то после 50-х, войны, с развитием флота все уменьшалось (МВ-2019-02-К).

С другой стороны, отмечается феминизация профессий, связанных с питанием и бытовым обслуживанием на судах, что ясно прослеживается в рассказах наших респондентов. Остановимся на рассмотрении этой тенденции более подробно. Количество членов экипажа в изучаемый период варьировалось в зависимости от типа судна и могло составлять от 15 человек на буксирах до 60 и более на пассажирских судах и ледоколах, однако в экипаже самого распространенного типа судов — грузовых (сухогрузы, контейнеровозы, танкеры и др.) — считывалось в среднем 25—30 человек, в их числе, по сообщениям интервьюируемых, женщин обычно было от 3 до 7. Респонденты без труда отвечали на вопрос интервьюера о том, кем женщины чаще всего работали во флоте в изучаемый период, причем эти ответы в смысловом отношении были одинаковыми у всех:

К. С. Еременко, Е. А. Поливанчук. «Море принадлежит мужчинам?»: женщины в профессиональном сообществе советского торгового флота в 1960—1970-х гг.

...женская должность: буфетчица, дневальная, уборщица, доктор, повариха. ...Элементарные эти пять должностей... они были чисто женские (МВ-2019-18-К).

В целом на судах ДВМП в изучаемый период женщины чаще всего трудились в должности поварихи, буфетчицы, дневальной и уборщицы. Судовой врач присутствовал в составе далеко не каждого экипажа. Представителей этой должности можно было встретить на ледоколах и судах, которые совершали заграничные рейсы, причем гораздо чаще судовыми врачами работали мужчины, а не женщины. Из высказывания респондента видно, что данные обязанности в сфере обслуживания и заботы интерпретируются как «женские», т. е. приписываемые женщинам и в домашней «береговой» жизни (преимущественно приготовление пищи и уборка).

Стоит отметить, что на пассажирских судах штат обслуживающего персонала существенно расширялся, ведь организовать сферу заботы и ухода необходимо было не только для членов судовой команды, но и для пассажиров. Такие должности, как официант, бармен, номерная (горничная), прачка (кастелянша), здесь, как правило, также занимались женщинами, поэтому в количественном отношении больше всего морячек было именно на пассажирских судах. Советский документальный фильм «На пороге рабочей профессии» (1975 г.), посвященный профтехучилищам, которые готовят кадры для торгового флота, предлагал девушкам покорять море именно в должности барменов и стюардесс пассажирского флота.

Рассмотрим подробнее круг обязанностей, выполняемых в рамках самых распространенных «женских» должностей на судах советского торгового флота — поварихи, буфетчицы, дневальной и уборщицы. В иерархии морских профессий эти должности относились к рядовому составу и в соответствии с судовым уставом 1976 г. были объединены в службу быта [Устав..., 1976: 4]. В обязанности судового повара входило приготовление пищи для всех членов экипажа согласно режиму питания (завтрак, обед и ужин). Повар также отвечал за надлежащее состояние помещения камбуза, оборудования и инвентаря. Кроме того, совместно с артельщиком и судовым врачом он составлял меню для экипажа [там же: 122]. Некоторые респонденты упоминали, что в составе команды — чаще всего ледокола или пассажирского судна — мог присутствовать и пекарь, однако впоследствии эта должность была упразднена, а ее обязанности совмещены с обязанностями повара (повар-пекарь). Согласно сообщениям респондентов, повар и пекарь делили между собой «камбузные» обязанности. Также пекарь помогал повару в каких-либо предварительных работах по приготовлению пищи. В качестве работников на данных должностях, как правило, трудились женщины, однако в интервью присутствуют упоминания, что в этой роли нередко встречались и мужчины.

Буфетчица отвечала за качественное состояние посуды буфета кают-компании, сервировку, обслуживание и уборку стола в кают-компании во время и после приема пищи, поддержание чистоты и порядка в каютах старшего командного состава — капитана, старшего помощника и старшего механика. В круг обязанностей дневальной входило обслуживание столовой судовой

команды (подача еды и уборка), а также уборка кают командного состава, служебных помещений, коридоров и красного уголка [там же: 123].

Для работы на судне в качестве уборщицы, дневальной или буфетчицы не требовалось наличия специального образования: процесс овладения профессией у женщин, занимавших эти должности, проходил непосредственно на рабочем месте. Анализируя профессионализацию женщин, занятых в сфере «домашнего труда» в 1990-х гг. (домработницы и уборщицы), социолог О. А. Ткач обратила внимание, что этот процесс имеет две составляющие: для работниц в сфере заботы и уюта необходимо освоение представления о чистоте и порядке, отличное от своего привычного, а также освоение «рабочей техники» для исполнения своих обязанностей [Ткач, 2011: 319]. На наш взгляд, аналогичный опыт профессионализации переживали и те, кто приступал к выполнению «женских» обязанностей на советских торговых судах, что ярко прослеживается в интервью. Осуществлять уборку на судне было необходимо в соответствии с санитарными нормами и правилами техники безопасности. Это с неизбежностью трансформировало личные стандарты чистоты и порядка. Более того, как следует из воспоминаний одной из наших респонденток, на рабочем месте приходилось учиться таким, казалось бы, повседневным действиям, как мытье полов, стирка белья и подача еды членам экипажа в кают-компаниях:

Меня буфетчицей послали... А здесь надо было хозяйничать. Ну мне подсказывали. Кто? Ребята из комсостава. Штурмана, механики. Все доброжелательно: «Ты вот это, вот это сделай». Столы накрывать — «Ты что, никогда в ресторане не была?». Нет, я человек такой, обыкновенный человек. Они мне подсказывали. Раза два подсказали, долго меня не надо было учить. Белье стирала — показали, как стирать (МВ-2019-04-Р).

Стоит обратить внимание, что на каждом судне сферы ответственности и круг обязанностей буфетчиц, дневальных и уборщиц могли незначительно варьироваться или же совмещаться. Так, если экипаж судна был небольшим, то буфетчица или уборщица брали на себя обязанность стирки постельного белья, что оплачивалось дополнительно. В судовых ролях можно было обнаружить и такие варианты совмещения должностей, как буфетчица-дневальная или дневальная-буфетчица. Данные вариации обуславливаются гибкой системой должностных обязанностей на судне в сфере обслуживания. Подобное совмещение обязанностей также свидетельствует о том, что штат обслуживающего персонала мог расширяться или сужаться в зависимости от типа судна, специфики конкретного рейса и численности экипажа в целом. Наконец, совмещение должностных обязанностей стимулировалось так называемым щекинским экспериментом, который был нацелен на повышение производительности труда и начал внедряться в промышленности СССР в конце 1960-х гг., а на судах торгового флота — в начале 1970-х гг. (см., напр.: [Пономарев, 1971]).

Таким образом, в позднесоветский период в гендерном укладе профессионального сообщества моряков торгового флота СССР женщине отводится исполнение трудовых ролей, связанных с питанием, заботой, поддержанием чистоты и порядка, т. е. такими обязанностями, которые в послевоенном советском обществе прочно ассоциировались с «нормативной» женственностью. Вместе

с тем специфичность условий, в которых происходило исполнение этих трудовых обязанностей (повышенный риск возникновения аварийных ситуаций, особый режим труда и отдыха, ограниченность рабочего пространства, долгая разлука с семьей и родными и т. д.), заставляет нас предположить, что решение женщины пойти работать поварихой, буфетчицей или дневальной на судно было результатом не только доминирующих в обществе идеологических установок, но и собственного осознанного выбора, за которым стояли различные мотивы. Остановимся подробнее на том, как объясняют этот выбор мужчины и женщины морского профессионального сообщества.

Большинство респондентов-мужчин (11 из 15) в качестве основного фактора, обуславливавшего решение женщин стать морячками, называли материальную выгоду. Респонденты утверждали, что женщины шли во флот для того, чтобы заработать деньги. Кроме того, при отсутствии необходимости платить за питание и проживание в судовых условиях женщины получали возможность не только заработать, но и сэкономить средства. Здесь следует подчеркнуть, что, по сообщениям респондентов, в советском торговом флоте не существовало гендерной дискриминации в сфере оплаты труда:

Зарплата была должностной, должностной оклад. А не важно, кто на этом окладе был, мужчина или женщина — без разницы. И спрос одинаковый (МВ-2019-18-К).

При этом респондентки в своих воспоминаниях отмечали, что у женщин, работавших в море, заработная плата в среднем была выше, чем у женщин, которые работали на берегу.

В качестве второй причины выбора профессии респонденты-мужчины называли возможность для молодых девушек выйти замуж (МВ-2019-03-К) или найти себе жениха (МВ-2019-19-Р) в преимущественно мужском рабочем коллективе. В подтверждение этого тезиса приводились примеры создания семей в рамках профессионального сообщества. Однако, по нашим сведениям, став супругами, моряк и морячка уже не могли работать в одном судовом коллективе и вместе ходить в рейс: с точки зрения должностных лиц, определявших кадровую политику, в случае заграничных рейсов это увеличивало риск бегства во время пребывания в зарубежном порту. Наконец, несколько респондентов предположили, что женщины шли работать в море, чтобы обрести возможность путешествовать.

Анализ женских интервью представляет нам совершенно иную картину: говоря о своем выборе, респондентки акцентировали внимание на том, что решение стать морячкой было обусловлено их личным желанием. Отметим, что среди родственников респонденток не было моряков, т. е. близкие родственные связи в данном случае не могли повлиять на выбор профессии. Рассуждая о причинах ее выбора, женщины апеллировали к чувственному опыту и даже говорили о предопределении: *Я мечтала о море с детства, я очень любила море (МВ-2019-08-Р); Я с детства знала, что в море пойду, я очень хотела этого, я любила и сейчас люблю (МВ-2019-12-Р).* Л. Н. Крылова-Лопаченко, которая начала трудовой путь в ДВМП в 1969 г., в опубликованных воспоминаниях и вовсе осмысляет свой выбор в пользу работы в море как «сбывшееся гадание» [Крылова-Лопаченко, 2016: 7].

Таким образом, женщины, с одной стороны, романтизировали морскую профессию, а с другой — видели в выборе данной работы возможность осуществить свои мечты о путешествиях. И если о материальных выгодах как мотиве выбора морской профессии респондентки еще упоминали (правда, в отношении других женщин), то мотив поиска спутника жизни не звучал вовсе. Более того, респондентки использовали личный пример, чтобы опровергнуть мнение о том, что женщины шли работать в море по этой причине:

Я приехала сюда, чтобы не замуж выйти. Потому что говорят: «Ой, много мужчин, все замуж выходят». Я просто хотела посмотреть мир (МВ-2019-12-Р).

Таким образом, в 1960—1970-х гг. в СССР прослеживается тенденция феминизации профессий в сферах здравоохранения, просвещения, связи, торговли и общественного питания. Тем не менее, в рамках такой дифференциации труда у женщин сохраняется возможность совмещать предписанную обществом трудовую роль с индивидуальным выбором. Анализ сообщений респонденток позволил заключить, что выбор женщин, сделанный в пользу профессий торгового флота и работы в опасных условиях, был обусловлен как сугубо личными причинами, связанными с мечтами о путешествиях и познании мира, так и стремлением иметь более высокий заработок в рамках своей профессиональной ниши.

Советская морячка: вариации гендерных стереотипов

Работа в море подразумевает длительную оторванность от дома, вследствие чего роли труженицы и матери для женщины-морячки, с точки зрения общества, вступали в явное противоречие. Выбор стать морячкой с неизбежностью трансформировал образ женщины в глазах общества в целом и профессиональной группы в частности, и здесь мы выделяем два возможных сценария формирования стереотипов. Рассмотрим подробнее каждый из них.

В тех редких случаях, когда женщина решала занять в морской сфере какую-либо из должностей, связанных с эксплуатацией судна (в основном речь идет, конечно, о должностях командного, а не рядового состава), ее образ неизбежно приобретал маскулинные черты. Как полагает антрополог Т. Б. Щепанская, категория «профессионализм» находится в прямой корреляции с маскулинностью: «...повышение профессионального уровня одновременно означает и утверждение маскулинности» [Щепанская, 2010: 295—296]. В свою очередь, для женщин демонстрация профессионализма и профессиональных успехов, в особенности в сфере «мужского» труда, оборачивается потерей женственности. В таких случаях неформальный дискурс приписывает им не только мужской склад ума или мужской характер, но и недостаток красоты и неспособность к материнству [Щепанская, 2005: 80].

В неформальном дискурсе морского сообщества складывается представление о том, что женщине необходимо «стать мужчиной» для того, чтобы быть штурманом или механиком, или же постоянно доказывать мужской половине коллектива, что она равноправный член экипажа: *Ну что ей нужно сделать? Ей нужно надеть сапоги кирзовые, надеть погонь и стать мужчиной (МВ-2019-02-К); Женщине тогда придется постоянно доказывать, что она полноценная и не хуже*

мужиков (МВ-2019-11-К). Примечательно, что в рассказе респондента-мужчины о женщине, занимавшей должность второго помощника, приписываемая ей маскулинность оценивается явно негативно:

В Мурманске пароход пришел, и вот там мы что-то перегружали на ле- докол. И вот там была эта женщина, она второй помощник. Она и курит, и матерится. У меня такое неприятное впечатление осталось (МВ-2019-05-К).

Маскулинность выступает одной из ведущих характеристик и в образе Анны Ивановны Щетиной (1908—1999), первой в мире женщины-капитана дальнего плавания. Прежде всего она сама акцентирует свои нефемининные черты в самоописаниях. Так, в статье для журнала «Общественница» (1937 г.) А. И. Щетина подчеркивает: «Я человек положительный, математический»; «...не люблю этих “ахов” и “вздохов”»; «Меня нелегко свернуть с пути»; «Я человек здоровый, крепкий» (цит. по: [Капитан Анна, 2005: 22]). «Мужские» черты в ней видят и окружающие. Американский журналист У. Мандель в своей книге о советских женщинах, упоминая об А. Щетининой, называет ее крупной (large-bodied) и противопоставляет другой женщине-штурману — В. Орликовой, которую описывает как «миниатюрную», «хрупкую», «с потрясающе красивым лицом» [Mandel, 1975: 82]. Респонденты нашего проекта также говорят об Анне Ивановне как о сильной женщине с мужским складом характера (МВ-2019-11-К; МВ-2019-17-К). Стремление связать профессионализацию с маскулинизацией прослеживается и в том, что нередко интервьюируемые, говоря о знаменитой женщине-капитане, помещают рассказ о ее профессиональном успехе в контекст несчастливой семейной жизни, нежелания реализоваться как матери: *По-моему, у нее семейные дела были не очень важно. <...> Вот капитаном быть и женщиной — это сложно* (МВ-2019-02-К).

В то же время в официальном дискурсе СССР образ женщины-капитана позиционировался с гендерно-нейтральных позиций. Если в прессе зарубежных стран появление женщины на капитанском мостике в 1930—1940-х гг. рассматривалось как настоящая сенсация, то для советского государства женщина-капитан была частью продуманного курса на позиционирование равенства мужчин и женщин во всех сферах как одного из важных преимуществ социалистического строя. Поэтому в образе А. И. Щетиной в СМИ акцентировались такие не сводимые к полу характеристики, как «работоспособность, преданность делу, высокая квалификация и идейно-политическая вооруженность» (цит. по: [Капитан Анна, 2005: 25]). В статье «Женщины — равные граждане» (1947 г.) в «USSR Information Bulletin», издававшемся посольством СССР в Вашингтоне для пропаганды социалистических успехов среди зарубежной аудитории, пример А. И. Щетиной выступает одной из множества иллюстраций гендерного равноправия в сфере труда в СССР [Aralovets, 1947].

На фоне А. И. Щетиной образ другой известной женщины-капитана — Валентины Орликовой (1915—1986), работавшей в Мурманске, кажется исключительным из-за соединения в нем несоединимого — сохранения фемининных черт и успешной реализации в профессии, где доминируют мужчины. Может быть, именно благодаря этому после рейса в порты США на теплоходе «Двина» в качестве четвертого помощника капитана (ноябрь 1942 — январь 1943 г.)

В. Я. Орликова приобрела большую известность. В апреле 1943 г. ее фото было опубликовано на обложке американского журнала «Soviet Russia Today». В своих дневниках эссеистка А. Нин описывала то глубокое впечатление, которое произвел образ Валентины Орликовой на американских женщин в 1940-х гг.: «Она стала символом самых тайных желаний женщины: быть способной, быть свободной и распоряжаться своей судьбой, нести ответственность без потери своей женственности» [Nin, 1972: 10].

Итак, мы можем заключить, что пример положения дел в советском торговом флоте (за небольшими исключениями) подтверждает тезис о маскулинизации в глазах общества женщин, которые добивались успеха и строили карьеру, занимая традиционно «мужские» должности. Однако поводов для реализации данного сценария формирования стереотипов о советских морячках в 1960—1970-х гг. было крайне мало. Во-первых, женщины чрезвычайно редко встречались на командных должностях советского торгового флота. В пользу этого косвенно свидетельствует и мотив «одной женщины», который появляется в воспоминаниях наших респондентов, когда речь заходит о женщинах-штурманах или механиках. Такая вербальная формула, по мнению Т. Б. Щепанской, указывает на «исключительный статус» женщины в данной профессиональной среде [Щепанская, 2010: 284]. Во-вторых, имеются сведения, что в 1950—1970-х гг. девушки в принципе не принимались в морские учебные заведения на специальности, связанные с эксплуатацией судна; такое могло произойти только в порядке исключения³.

Гораздо более вероятной была реализация другого сценария стереотипизации. Как мы уже выяснили ранее, наиболее часто в изучаемый период женщины шли работать в море на должности обслуживающего персонала, считавшиеся типично «женскими», а потому, несмотря на труд в условиях повышенного риска, женщины, которые работали поварихой, буфетчицей или дневальной в торговом флоте, не теряли в глазах общества своей фемининности. Напротив, мы можем заметить, что в неформальном дискурсе за рамками морской профессии бытовали представления о морячках как женщинах, активно пользовавшихся своей привлекательностью в условиях преимущественно мужского коллектива на судне. Такой предстает буфетчица в повести В. В. Конецкого «Кто смотрит на облака» (1967 г.): «Буфетчица в новом платье крутит задом назло женщинам. В каждом шаге буфетчицы вызов: я здесь с вашими мужьями длинные месяцы. Они таращат на меня глаза и стоят под трапом, когда я спускаюсь и поднимаюсь. Они щиплют меня в уголке и играют со мной в козла, когда вы от них за тысячу верст» [Конецкий, 1967]. Приговор общественности был прост: в море идут работать лишь «разгульные» женщины. В этом смысле очень показателен сюжет из воспоминаний нашей респондентки:

Почему-то считали, что каждая женщина там будет вести разгульный образ жизни. ...Тетя Фрося, вот моя тетя, она сказала, говорит: «Ты что, там одни гулящие женщины...» Вот, а я говорю: «Это зависит от человека, тетя

³ Этот вопрос требует отдельного исследования, однако о существовании такой практики упоминается в статье с красноречивым названием «В порядке исключения» [Мезенцев, 1969].

Фрося, я могу и на берегу быть гулящей, если я захочу». И когда я пришла в кадры, они мне сказали: «Что вас тянет туда, что мужчин много или что?» А я говорю: «Меня тянет море, я хочу быть внутри моря» (МВ-2019-08-Р).

При этом отметим, что в образе моряка аналогичная характеристика — популярность среди женщин — исторически не являлась предметом осуждения, а даже напротив добавляла мужчине привлекательности. Так, в морском фольклоре разных стран издавна существуют шуточные песни о моряке, которого в каждом порту ждет любимая девушка, а в советском фильме «Любимая женщина механика Гаврилова» (1981 г.) история о «жуткой любви» с француженкой из Марселя служит дополнением образа «мужчины мечты».

В формальном дискурсе профессионального сообщества в 1960—1970-х гг. мы также можем заметить акцентирование фемининных черт советских морячек. Так, среди редких изображений женщин, которые появляются на обложке профессионального журнала «Морской флот» в 1970-х гг. (всего трижды за десятилетие), исключительно работницы пассажирского флота из сферы обслуживания. Единственный женский образ, который фигурирует на сувенирной продукции ДВМП позднесоветского периода, — рисунок бортпроводницы с букетом цветов, которая встречает гостей пассажирского лайнера (1977 г.). Все это ярко высвечивает тенденцию формирования стереотипа о том, что морячки, работающие в сфере заботы и ухода, должны демонстрировать «женские» качества. Так, в статье 1974 г., посвященной экипажу теплохода «Боцман Зотов» ДВМП, среди мужчин — членов командного и рядового состава, ударников коммунистического труда, представлена одна женщина: «Наташа Лежаева — пекарь, дневальная. Своим скромным трудом создает хорошее настроение коллектива. Она настоящая мастерица: хлеб, испеченный ею, всегда вкусный, столы накрыты вовремя, а настроение экипажа от этого на самом высоком уровне» (курсив наш. — К. Е., Е. П.) [Ботков, 1974: 32]. Обращает на себя внимание, что заметки о мужчинах содержат их полное имя, отчество и фамилию, в то время как дневальная представлена здесь как Наташа с фамилией, но без отчества. Примечательно, что ее труд назван скромным, а роль в коллективе дважды артикулирована как связанная с поддержанием хорошего настроения.

Внутри профессионального сообщества фемининность морячек могла актуализироваться различными способами. Во-первых, посредством практики помощи женщинам в решении тех производственных задач, которые требовали физической силы. Респонденты отмечают, что женщины были освобождены от тяжелых физических работ, поэтому чаще всего мужчины осуществляли помощь женщинам, когда им надо было перенести, достать или поднять что-нибудь тяжелое. Приводились следующие примеры таких задач: «принести что-нибудь с артелки», «нарубить мясо», «покрасить камбуз», «помочь прачке донести белье», «вылить отходы через борт». Показательно, что оказание такой помощи носило гендерно-окрашенный характер, ведь именно поэтому некоторые респонденты, принадлежавшие к комсоставу, утверждали, что их поведение в этом контексте могло быть неверно интерпретировано:

Нормальный человек, конечно, помогать должен, такого как у меня характера. Что-то помочь... если б я был рядовым... Ну, стал офицером —

ну ладно, как-то неудобно вроде. Помогать неудобно, потому что экипаж скажет: «А ты заигрываешь!» Вот третьему механику можно заигрывать, а мне нельзя. Это же понимаете. Другое дело, понравилась девушка какому-то молодому парню, ну как не помочь? (МВ-2019-02-К).

В свою очередь, у женщин-респонденток практика помощи со стороны мужчин ассоциировалась не только с физической работой, но и с моральной поддержкой, а потому женщины более эмоционально оценивали сам феномен помощи в судовых условиях, связывая его с ценностями профессионального сообщества в целом:

Я сейчас, по истечении времени, вспоминаю: боялась, а когда попала — столько заботы, столько внимания со стороны мужчин, просто вот чисто морально помогали переносить качки, помогали в тяжелые переходы (МВ-2019-04-Р);

Когда я заболела, в первый раз пошла в море... Меня рвало, мне плохо было. Я смотрю, мальчишки пошли в город, купили там кто-то конфет, кто-то... чего-то, принесли мне. <...> Не потому, что я была там красивая... или я была женщина, там девушка или кто, а просто чисто по-человечески мы относились друг к другу. Мы не разделяли, мужчина это или женщина, мы помогали друг другу (МВ-2019-08-Р).

Возможно, по этой причине среди «женских» описаний взаимоотношений внутри морского коллектива преобладает метафора семьи: *Мы были одной семьей там. Потому что они нам были как братья, а мы им как сестры (МВ-2019-08-Р).*

Во-вторых, статус женщин актуализировался в судовых условиях и через практику празднования 8 Марта. В 1965 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Международный женский день 8 Марта был объявлен в СССР нерабочим. К началу 1970-х гг., как отмечают исследователи, этот праздник деполитизировался в официальном дискурсе и начал приобретать популярность в обществе именно как «женский день» [Козлова, 2011: 42]. По свидетельствам респондентов, в изучаемый период он обязательно отмечался и на судах советского торгового флота. Помимо привычных поздравлений, здесь, как и на некоторых других предприятиях, существовала традиция освобождать в этот день женщин от любых работ и предоставлять им выходной. «Женские» обязанности брали на себя мужчины, преимущественно представители рядового состава:

Всех поздравляли. Всех буфетщиц, дневальных. Мы сами накрывали на стол, мыли посуду, делали сервиз. А они в этот день отдыхали. И то некоторые девушки смотрят, чтобы мы делали правильно. Приходят, смотрят, если что-то не то (МВ-2019-07-Р);

Мы не работали, мы отдыхали в этот день. Спали до обеда (смеется). И всегда бегали, переживали: «Ой, может быть, помочь?» Всегда так хотелось, а они: «Идите, отдыхайте, что вы сюда прибегаете. Мы сами справимся». Вот так вот всегда было (МВ-2019-12-Р).

Наблюдаемое в этот день смещение ролей в судовом коллективе по своему содержанию частично напоминает ритуалы перемены статуса, в рамках которых

определенные категории людей, занимающие в обычное время невысокое положение в иерархической структуре, временно оказываются в привилегированной позиции, в данном случае сопряженной с праздностью. Несмотря на приятный след, который эти события оставили в воспоминаниях морячек, вслед за В. Тэрнером можно предположить, что посредством такого рода перемен статуса, актуальных и возможных лишь в рамках ограниченного отрезка времени, заново утверждалась существующая иерархия и высвечивалась разумность и неизменность повседневного порядка вещей [Тэрнер, 1983: 240].

Наконец, гендерная идентичность женщин подчеркивалась и посредством особого наименования, которое применялось моряками для обозначения женской части коллектива и не было секретом для самих женщин:

Нас называли не женщины, на судне нас всегда называли «тетки». «Кто?» — «Да вон, у теток. Тетки наши». Ну если с нами — «женщины», всё. А так, в быту: «Ну какие там тетки у вас?» Вот почему-то, я не знаю, как сейчас, но в то время, в мое время, — тетки. Тетки так тетки. Не мальчишки ведь (МВ-2019-04-Р).

Любопытно, что данная практика именования была, по всей видимости, очень устойчивой: приведенный фрагмент из воспоминаний респондентки касается периода 1950—1960-х гг., а вот как эта практика выглядит в описании мужчины, начало работы которого в ДВМП пришлось на конец 1970-х — начало 1980-х гг.: «За глаза в общем и целом женщин на судне у нас называли — “тетки”. Не бабы, не ведьмы, не девки — тетки. Все были тетками, в любом возрасте, от 18 до 55. Называли все, от капитана до матроса. Никаких попыток унижения, никаких попыток принижения, называли и все. Равнодушно и повседневно... Это было и ни хорошо, и ни плохо. Это просто было» [Женщины на судне].

С одной стороны, слово «тетка», как образованное от слова «тетя», обозначающего сестру отца или матери по отношению к племянникам, могло подчеркивать родственный характер отношения к женщинам экипажа как к «своим». С другой — такое обозначение женщин, наиболее вероятно, неосознанно использовалось мужчинами для маркирования гендерных границ, ведь антиподом «теток» выступают «мужики»: именно этим понятием, по наблюдению Т. Б. Щепанской, в «мужских» профессиях очерчивается круг принадлежности к профессиональному ядру [Щепанская, 2010: 283].

Заключение

Образ советской морячки претерпел серьезные изменения на фоне акцентирования фемининных черт и семейно-бытовых обязанностей советской женщины в общественном дискурсе 1960—1970-х гг. Карьерный сценарий женщин, которые попали в торговый флот на волне движения за вовлечение женщин в «мужские» профессии в 1930-х гг. или в период войны, чтобы занять должности штурманов, механиков и радистов, в новых условиях потерял свою актуальность, в том числе как сопряженный с нежелательной маскулинизацией женщин. В торговый флот пришли новые поколения морячек, которые работали почти исключительно в рамках предписанного обществом распределения гендерных ролей, занимая на судах «женские» должности, связанные с питанием, заботой

и поддержанием чистоты. Есть, однако, основания полагать, что, даже несмотря на разделяемый с мужчинами опыт тяжелой работы в море, эти женщины не рассматривались представителями морского сообщества как часть профессионального ядра, которое прочно ассоциировалось с должностями, непосредственно связанными с эксплуатацией судна.

Список источников

- Ботков В.* Они с теплохода «Боцман Зотов» // Морской флот. 1974. № 11. С. 32—33.
- Вавулинская Л. И.* Проблема женской занятости в 1950-х гг.: (на материалах Карелии) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 82—90.
- Гонина Н. В., Павлюкевич Р. В., Вавиленко А. Ю.* На обочине светлого пути: женский труд в пищевой промышленности в 1954—1964 годах: (на материалах Красноярского края) // Научный диалог. 2019. № 11. С. 258—270.
- Дальневосточное морское пароходство, 1880—1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980. 592 с.
- Ежеля У. В.* Женский труд на железнодорожном транспорте Дальнего Востока СССР в 30—40-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 72—79.
- Женщины и дети в СССР: статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1963. 204 с.
- Женщины на судне. Ч. 1. URL: <https://gruppman.livejournal.com/240545.html> (дата обращения: 02.05.2020)
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3—4. С. 299—321.
- Капитан Анна / ред.-сост. И. Егорчев. Владивосток: Светлана, 2005. 168 с.
- Келли К.* «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 104—155.
- Козлова Н. Н.* Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 36—44.
- Конецкий В.* Кто смотрит на облака // Библиотека Виктора Конецкого. 1967. URL: <http://www.baltkon.ru/about/works/detail.php?ID=143> (дата обращения: 06.06.2020).
- Крылова-Лопаченко Л.* О Вьетнаме и не только. [Б. м.]: Изд. решения, 2016. 89 с.
- Куянцев П. П.* Я бы снова выбрал море...: очерки. Путевые заметки. Воспоминания. Интервью. Владивосток: Дюма, 1998. URL: <https://kapitanydv.ru/book-kuyantsev-vybral-more/> (дата обращения: 13.05.2020).
- Левина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950—1960-е годы. СПб.: Книга: Победа, 2015. 484 с.
- Мезенцев В.* В порядке исключения // Морской флот. 1969. № 3. С. 5.
- Морозова Ю.* Государственная политика в области женской занятости в 1920-е — 1930-е годы: (на примере немецкой автономии) // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. Саратов: Науч. кн., 2005. С. 281—297.
- Под флагом России: история зарождения и развития морского торгового флота. М.: Согласие, 1995. 568 с.
- Пономарев В.* Первые шаги щекинского метода на флоте // Морской флот. 1971. № 6. С. 12—13.
- Пушкарева Н. Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012а. № 5. URL: <https://www.nlobooks.ru/magazines/>

novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (дата обращения: 06.06.2020).

- Пушкарева Н. Л. Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*. 2012b. № 1. С. 168—176.
- Романов Р. Е. Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941—1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 106—113.
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 4—15.
- Ткач О. Профессионализация домашней уборки: очерчивая фронтиры // *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен*. М.: Вариант, 2011. С. 304—333.
- Тэрнер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 104—264.
- Ульянова С. Б. Гендерные отношения в советской промышленности в 1920-е — 1930-е гг. // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование*. 2013. № 184. С. 119—126.
- Устав службы на судах Министерства морского флота Союза ССР. Одесса: Моряк, 1976.
- Хасбулатова О. А. Движение женщин-общественниц в 1930-е годы как технология государственной политики по вовлечению домашних хозяек в общественное производство // *Женщина в российском обществе*. 2004. № 1—2. С. 43—56.
- Щепанская Т. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий // *Антропология профессий: сборник научных статей*. Саратов: Науч. кн., 2005. С. 50—101.
- Щепанская Т. Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды: (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 364 с.
- Aralovets N. Women — equal citizens // *USSR Information Bulletin*. 1947. 5 November. P. 40—42.
- Conze S. Women's work and emancipation in the Soviet Union, 1941—1950 // *Women in the Stalin Era* / ed. by M. Ilić. New York: Palgrave MacMillan, 2001. P. 216—233.
- Filtzer D. Women workers in the Khrushchev era // *Women in the Khrushchev Era* / ed. by M. Ilić, S. E. Reid, L. Attwood. New York: Palgrave MacMillan, 2004. P. 29—51.
- Goldman W. Z. *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 294 p.
- Ilić M. "Equal pay for equal work": women's wages in Soviet Russia // *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union* / ed. by M. Ilić. New York: Palgrave MacMillan, 2018. P. 101—116.
- Mandel W. M. *Soviet Women*. Garden City: Anchor Books, 1975. 350 p.
- Nin A. *The Diary of Anaïs Nin, 1944—1947*. New York: HBJ, 1972. 237 p.

References

- Aralovets, N. (1947) Women — equal citizens, *USSR Information Bulletin*, 5 November, pp. 40—42.
- Botkov, V. (1974) Oni s teplokhoda "Botsman Zotov" [They are from the ship "Boatswain Zotov"], *Morskoj flot*, no. 11, pp. 32—33.
- Conze, S. (2001) Women's work and emancipation in the Soviet Union, 1941—1950, in: Ilić, M. (ed.), *Women in the Stalin Era*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 216—233.
- Dal'nevostochnoe morskoe parokhodstvo, 1880—1980* (1980) [Far Eastern Shipping Company, 1880—1980], Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo.

- Egorchev, I. (ed.) (2005) *Kapitan Anna* [Captain Anna], Vladivostok: Svetlana.
- Ezhelia, U. V. (2012) Zhenskii trud na zheleznodorozhnom transporte Dal'nego Vostoka SSSR v 30—40-e gg. XX v. [Women's labour on railway transport in the Far East of the USSR in the 1930—1940s], *Rossii i ATR*, no. 3, pp. 72—79.
- Filtzer, D. (2004) Women workers in the Khrushchev era, in: Ilič, M., Reid, S. E., Attwood, L. (eds), *Women in the Khrushchev Era*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 29—51.
- Goldman, W. Z. (2002) *Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin's Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gonina, N. V., Pavliukevich, R. V., Vavilenko, A. Iu. (2019) Na obochine svetlogo puti: zhenskii trud v pishchevoi promyshlennosti v 1954—1964 godakh: (Na materialakh Krasnoarskogo kraia) [On the bright path: female labor in the food industry in 1954—1964 (Based on materials from the Krasnoyarsk territory)], *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 258—270.
- Ilič, M. (2018) “Equal pay for equal work”: women's wages in Soviet Russia, in: Ilič, M. (ed.), *The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*, New York: Palgrave MacMillan, pp. 101—116.
- Kelli, C. (2004) “Shkol'nyi val's”: povsednevnaia zhizn' sovetскоi shkoly v poslestalinskoe vremia [“The School Waltz”: the everyday life of the Post-Stalinist Soviet classroom], *Antropologicheskii forum*, no. 1, pp. 104—155.
- Khasbulatova, O. A. (2004) Dvizhenie zhenshchin-obshchestvenits v 1930-e gody kak tekhnologiia gosudarstvennoi politiki po vovlecheniiu domashnikh khoziaek v obshchestvennoe proizvodstvo [The movement of women activists in the 1930s as a way of the state to involve housewives in social production], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1—2, pp. 43—56.
- Konetskiĭ, V. (1967) *Kto smotrit na oblaka* [Who looks at the clouds], available from <http://www.baltkon.ru/about/works/detail.php?ID=143> (accessed 06.06.2020).
- Kozlova, N. N. (2011) Mezhdunarodnyi zhenskii den' 8 Marta kak instrument formirovaniia sovetскоi politicheskoi kul'tury [International Women's Day as a tool for the formation of Soviet political culture], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 36—44.
- Krylova-Lopachenko, L. (2016) *O V'etname i ne tol'ko* [About Vietnam and more], s. l.: Izdatel'skie resheniia.
- Kuiantsev, P. P. (1998) *Ia by snova vybral more...: Ocherki. Putevye zametki. Vospominaniia. Interv'iu* [I would choose the sea again...: Essays. Travel notes. Memories. Interviews], available from <https://kapitanydv.ru/book-kuyantsev-vybral-more/> (accessed 13.05.2020).
- Lebina, N. B. (2015) *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruksiia bol'shogo stilia: Leningrad 1950—1960-e gody* [Everyday life of the space and corn era: Destruction of a great style: Leningrad of the 1950s and 1960s], St. Petersburg: Kniga, Pobeda.
- Mandel, W. M. (1975) *Soviet Women*, Garden City: Anchor Books.
- Mezentsev, V. (1969) V poriadke isklucheniia [As an exception], *Morskoĭ flot*, no. 3, p. 5.
- Morozova, Iu. (2005) Gosudarstvennaia politika v oblasti zhenskoĭ zaniatosti v 1920-e — 1930-e gody: (Na primere nemetskoĭ avtonomii) [State policy in the field of female employment in the 1920s and 1930s: (A case study of Volga German Autonomous SSR)], in: *Nuzhda i poriadok: Istoriia sotsial'noi raboty v Rossii, XX v.*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 281—297.
- Nin, A. (1972) *The Diary of Anaïs Nin, 1944—1947*, New York: HBJ.
- Pod flagom Rossii: Istoriia zarozhdeniia i razvitiia morskogo torgovogo flota* (1995) [Under the flag of Russia: The history of the merchant marine fleet], Moscow: Soglasie.
- Ponomarev, V. (1971) Pervye shagi shchëkinskogo metoda na flote [The first steps of the Shchekin method in the navy], *Morskoĭ flot*, no. 6, pp. 12—13.

- Pushkareva, N. L. (2012a) Gendernaia sistema Sovetskoï Rossii i sud'by rossiianok [Gender system of the Soviet Russia and the fate of Russian women], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, available from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/117_nlo_5_2012/article/18922/ (accessed 06.06.2020).
- Pushkareva, N. L. (2012b) Ustnaia istoriia i gendernaia istoriia: sbliuzhenie i perspektivy razvitiia [Oral history and gender history: convergence and development prospects], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 168—176.
- Romanov, R. E. (2016) Zhenshchiny i molodëzh' v promyshlennosti sovetskogo tyła (1941—1945 gg.): fenomen “korotkikh” sotsial'nykh liftov [Women and youth in the industry of the Soviet home front, 1941—1945: the phenomenon of “quick” upward mobility], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 412, pp. 106—113.
- Shchepanskaia, T. (2005) Konstruktsii gendera v neformal'nom diskurse professii [The constructions of gender in the informal discourse of occupations], in: *Antropologiya professii: Sbornik nauchnykh statei*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 50—101.
- Shchepanskaia, T. B. (2010) *Sravnitel'naia ètnografiia professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody: (Rossiia, konets XX — nachalo XXI v.)* [Comparative ethnography of occupations: everyday practices and cultural codes: (Russia, late XX — early XXI century)], St. Petersburg: Nauka.
- Temkina, A. A., Rotkirkh, A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii [Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 4—15.
- Tërner, V. (1983) Ritual'nyi protsess. Struktura i antistruktura [The ritual process: structure and anti-structure], in: Tërner, V. *Simvol i ritual*, Moscow: Nauka, pp. 104—264.
- Tkach, O. (2011) Professionalizatsiia domashnei uborki: ocherchivaia frontiry [Professionalization of home cleaning: outlining frontiers], in: *Antropologiya professii, ili postoronnim vkhod razreshën*, Moscow: Variant, pp. 304—333.
- Ul'ianova, S. B. (2013) Gendernye otnosheniia v sovetskoï promyshlennosti v 1920—1930-e gg. [Gender relationship in the Soviet industry in the 1920s and 1930s], *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta*. Obshchestvo. Kommunikatsiia. Obrazovanie, no. 184, pp. 119—126.
- Vavulinskaia, L. I. (2016) Problema zhenskoï zaniatosti v 1950-kh gg.: (Na materialakh Karelii) [The problem of female employment in the 1950s: (A case study of Karelia)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 82—90.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2003) Gosudarstvennoe konstruirovaniie gendera v sovetskom obshchestve [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*, vol. 1, no. 3—4, pp. 299—321.
- Zhenshchiny i deti v SSSR: Statisticheskii sbornik* (1963) [Women and children in the USSR: Collection of statistics], Moscow: Gosstatizdat.
- Zhenshchiny na sudne* [Women on the ship], pt. 1, available from <https://gruppman.livejournal.com/240545.html> (accessed 02.05.2020).

Статья поступила в редакцию 03.03.2021; одобрена после рецензирования 26.06.2021; принята к публикации 01.11.2021.

The article was submitted 03.03.2021; approved after reviewing 26.06.2021; accepted for publication 01.11.2021.

Информация об авторах / Information about the authors

Еременко Ксения Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, eremenko.ks@dvfu.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation).

Поливанчук Елена Александровна — аспирантка департамента истории и археологии школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, polivanchuk.ea@dvfu.ru (Post-graduate student at the Department of History and Archaeology of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation).